

оставались некоторое время вместе, тщательно разбирая в переговорах все, что касалось мира. Наконец король, может быть, по Божьему внушению, предоставил господину епископу всю Ливонию безданно, чтобы укрепился между ними вечный мир, как против литовцев, так и против других язычников, а купцам был всегда открыт свободный путь по Двине. Покончив с этим, король с купцами и всем своим народом пошел вверх по Двине и с радостью вернулся в свой город Полоцк, и епископ вместе со своими, радуясь еще более, поплыл вниз и возвратился в Ливонию.

По возвращении их возникла великая распря о полях и ульях между венденскими братьями-рыцарями и лэттами из Аутинэ, бывшими тогда в уделе епископа. Братья-рыцари обидели некоторых лэттов, и жалоба их дошла до епископа. И восстал господин епископ, вместе с достопочтенным господином Филиппом, епископом рацебургским, и созвал братьев-рыцарей с ливами и лэттами на суд, чтобы умирить спор и возвратить их к прежнему согласию. И спорили там, обмениваясь речами, два дня, но ни к какому мирному соглашению не могли прийти. Тогда ливы и лэтты ушли от тевтонов, устроили заговор между собою и по обычаю язычников скрепили его, наступив на мечи. Первым из них был Каупо и говорил он в том смысле, что от веры Христовой не отречется никогда, но готов вступить пред епископом за ливов и лэттов, чтобы облегчить им христианские повинности. Другие же, не считаясь с его намерениями, устраивали заговор против братьев-рыцарей и стремились с корнем вырвать из земли ливонской всех тевтонов и род христианский. Увидев это, епископы и братья-рыцари со всеми своими друзьями, ходившими с ними, возвратились каждый в свое укрепление.

Тогда ливы из Саттээзелэ, собравшись в своем замке, послали за советом к жителям Леневардена, Гольма, Торейды и ко всем ливам и лэттам. И согласились с ними все и стали укреплять свои замки, чтобы после сбора урожая сразу укрыться там. И стали эти переговоры известны Даниилу из Леневардена, в то время замещавшему там судью. И послал он и взял всех старейшин ливов той области, знавших о злых замыслах, и бросил их в тюрьму, а замок их сжег. Точно так же и рижане, узнав о злейших намерениях жителей Гольма, послали к ним и разрушили верхушку их каменного замка, построенного первым их епископом Мейнар-дом. Послав и в Торейду, велели в тишине ночи сжечь их замок, чтобы, собравшись там, они не затеяли более грозную войну против рижан. Так, когда замки были сожжены, рухнули замыслы вероломных. Ливы же из Саттээзелэ, уже давно укрывшиеся в свой замок, начали войну против зегевальдских братьев-рыцарей, стали преследовать их дружину и некоторых из них убили. Те однако, выйдя из зегевальдского замка, недавно ими построенного, обратили в бегство противников, преследовали их и убивали, но тут выступили против них еще ливы, более многочисленные и сильные, чем первые, и преследовали их и убили некоторых и оттеснили их обратно в замок. Так они сражались в течение нескольких дней. И услышал епископ о их распре и послал гонцов спросить о причине этой войны. И пришли в Ригу послы ливов и принесли много жалоб на Родольфа, магистра братьев-рыцарей, рассказывая об отнятых им у них полях, лугах и деньгах. И послал епископ священника Алебранда, крестившего их, с некоторыми другими, но они, явившись, напрасно трудились и не в силах были разрешить их спор. Тогда и сам епископ с Филиппом рацебургским пришел в Торейду и, созвав ливов с братьями-рыцарями, стал разбирать их дела. Ливы в полном вооружении оставались за рекой и говорили с тевтонами и во многом обвинили братьев-рыцарей. И обещал им епископ возвращение всего несправедливо отнятого. Что же касается взятого у них за проступки, то этого возвратить не обещались, как отнятого по заслугам. По совету мудрых людей епископ потребовал у них их сыновей в заложники того, что они не отступят от христианской веры, но они не собирались ни заложников давать, ни повиноваться епископу с братьями-рыцарями, а помышляли об удалении из страны христианской веры вместе со всеми тевтонами. Узнав об этом,